

Вкус рижского хлеба

Гастроли Латвийского театра Дайлес

Латвийский театр Дайлес (бывший Художественный академический театр имени Райниса) российский зрителям знаком. Хотя бы по именам актеров (в среди них Вяй Артмане, Лилита Берзиня, Юрис Стренга, Ивар Калныньш, Мирдза Мартинсоне и другие), которые в советские времена были активными участниками единого кинопроцесса. Но с большими гастролями в столицу театр приезжал нечасто. Последние состоялись еще в 1977 году, то есть 25 лет назад. Тогда москвичи смогли увидеть такие значительные спектакли, как "Бранд", Гибсона, "Чайка" А.Чехова, "Варвары" М.Юрькова. И вот под занавес ушедшего года Театр Наций представил в столице две работы Дайлес, "Женитьбу" Н.Ююля и "Знойное лето" А.Бригадере, признанные национальной критикой безусловными событиями театральных сезонов Латвии.

Конечно, всего лишь по двум спектаклям да еще в постановке одного режиссера о нынешнем состоянии театра судить трудно. И тем не менее в нем угадываются явные перемены, которые случились здесь за последние несколько лет. Связаны они, скорее всего, с репертуарной и творческой политикой нового художественного руководителя театра Дайлес — режиссера Михаила Груздова, занимающего этот пост всего лишь второй сезон. Причем, что любопытно, Груздова, уроженца Латвии, но воспитанника московско-петербургской театральной школы, попросила возглавить театр именно его группа, с которой он до этого момента уже не раз успешно работал. И видимо, приглянулся ко двору.

Спять же, если судить по двум увиденным спектаклям, от бывшего академизма и пышности "большого стиля" не осталось и следа. Дайлес смело шагнул на поисковую территорию, желая оставаться современным и интересным не только своей привычной публике но, по-видимому, и молодой. По крайней мере, эксперимент Груздова с "Женитьбой" был выполнен в том же ключе, что и у Алвиса Херманиса в его голливудском же "Ревизоре", поставленном в Новом рижском театре и недавно показанном в Москве. Персонажи Ююля изымаются из привычной среды и времени обитания, перемещаясь в некую условную реальность, но с явным намеком на атрибуты советской эпохи, будь то элементы декораций, бутафория, костюмы или прически.

У Груздова, например, своеобразный пролог к "Женитьбе" представ-

лен в бане, которая, в свою очередь, составлена из нескольких душевых кабинок с прозрачными пластиковыми стенками (сценография Андриса Фрейбергса). Все без исключения персонажи в соответствующих одеяниях (костюмы Анны Хейрихсонс) припопывают, прилясывают и припевают ритмично похлопывая друг друга банными вениками. Кстати, с этими же вениками, упакованными в блестящие обертки, чуть позже женщины явятся к Аграфье Тихоновне (Вита Варпина). Что любопытно, баня — общая, но впоследствии, когда действие переносится по голливудскому сюжету, женский и мужской миры отчетливо разъединятся. В версии Груздова "Женитьба" — это не частный, комически-бытовой случай, но тотальное сопоставление, взаимопритяжение и взаимоотталкивание этих полярных миров. Это необычайное состояние режиссер и не пытается объяснить, представляя как заведомую данность.

При этом все персонажи вполне "человечны". От Кочкарва (Иртс Кестарис), хулиганистого парнишки в картузе, до Степана (Юрис Стренга), которого то и дело норовят свернуть в процесс "женитьбы", пугая тем доченькой. От проломленной и мужеподобной свахи (Мирдза Мартинсоне), не расстающейся с рюмкой, до "декадентствующей" Аграфьи Тихоновны, обжигающей незадачливых соискателей ее руки таинственными взглядами, позимствованными у голливудской Панночки. Разве что Подкопесин (Юрис Жаргарс) редко обретает обиходный энергетический посыл, а потому кажется в большей степени наблюдателем, нежели лицом, крайне заинтересованным в перемене или неизменности собственной участи. Мужчины, не смотря на конкуренцию, любят скопом погонять шары на бильярде, чувствуя при том некую корпоративнополовую общность. Дамы, наблюдая все это со своего "верхнего этажа", грустят за столом под рюмочку и тихий напев. Финал истории, впрочем, давно predetermined.

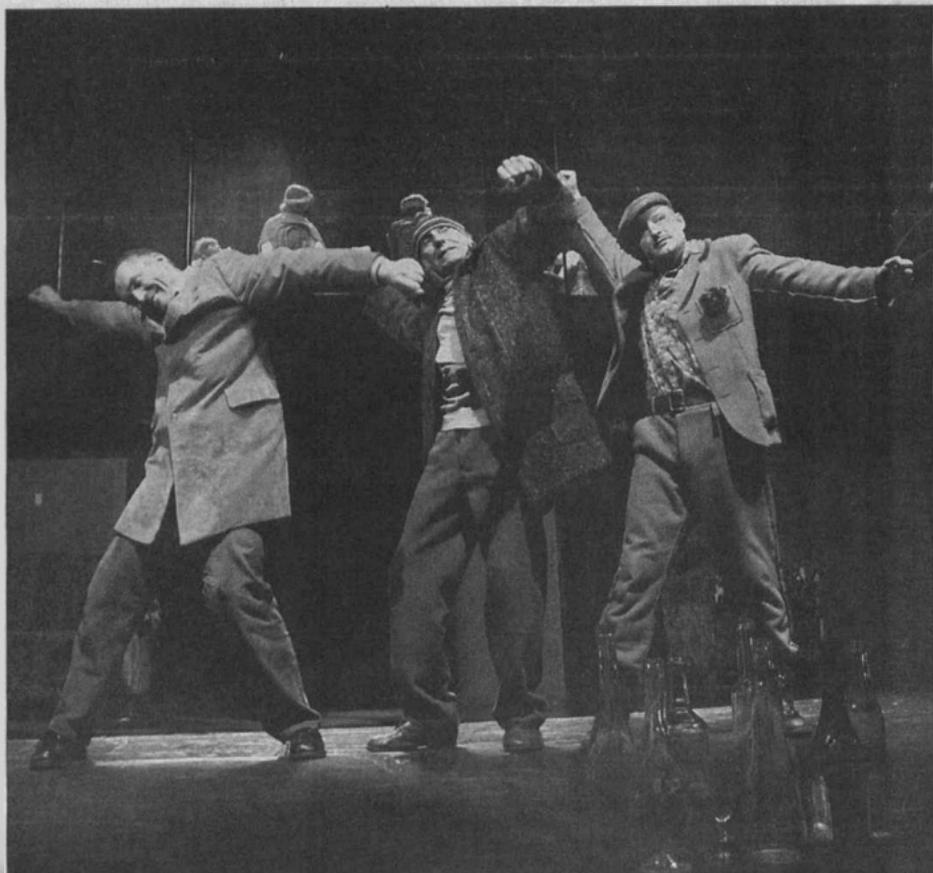
"Знойное лето", некогда признанное лучшим спектаклем сезона, обращается к сюжету сколь национально, столь и общечеловеческому Пьеса, написанная Анной Бригадере по мотивам новеллы Р.Блауманиса, — редкий гость на латвийской сцене. Хотя история греховной страсти женщины к молодому мужчине, жертвующей и мужем, и ребенком, — сопласитесь, сюжет известный. И снова Михаил Груздов совмещает на

сцене бытовые приметы латвийского хутора на сей раз досоветской эпохи с моментами символическими, иррациональными. "Земля" и "дом" в оформлении А.Фрейбергса — это нечто единое. Лишь полупрозрачная завеса отделяет кровать и стол от поля колышущаясь пшеницы. Здесь так много реалистических зарисовок, придающих спектаклю теплоту и оригинальный вкус. Вот старая Каллене (Илзе Ваздикя) по допотопному приемнику слушает речь очередного президента. Вот за столом разламывают теплый хлеб, и мед течет с ложки антарной стружкой. Вот Раудут (Айварс Силиньш), обреченный муж героини, умывается под стареным ручейником, разбрызгивая воду. Но какое-то время спустя где-то над полем, между землей и небом, начнутся крестьянские танцы. Или вдруг в разгар объяснений и страсти неведомо откуда раздастся опустительное пошадное ржание (в оригинале пьеса под конскими копытами гибнут Раудутите и ее муж), словно некое предостережение и напоминание.

И вновь на сцене — не выморочные марионетки, но живые люди, актеры, играющие в хороших традициях психологической школы Дуэт Индры Брикне (Раудутите) и Артурса Скрастиньша (Карлис) — безусловно, лучшее из того, что есть в этом добротном спектакле. Предчувствие страсти, страх перед ней, ее шквальный приход — все это виртуозно обыгрывается актерами. Незаметные взгляды робкие прикосновения, сумасшедший танец, ритмы которого замедляются, а партнеры начинают казаться накрепко связанными, почти физическое притяжение их друг к другу, "отбиваемое" все тем же ирреальным конским ржанием, — все это затягивает зрителя, обостряет внимание, провоцирует сочувствие, не смотря на массу непримятных моментов житейской истории. Но это жизнь без прикрас...

В целом же скромные гастроли Дайлес оставили довольно приятное впечатление. В увиденных спектаклях не было истерического надрыва, аномальных провокаций и прочих вещей, которыми так часто "радуют" столичную публику европейские гастроли. Зато остается ощущение уверенности, стабильности, профессионализма, которым не мешает одновременное существование в поисковом режиме

Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ



Сцена из спектакля "Женитьба"

Кувалдина — 2004. — 15-21 ЯМВ. — 17